Эмма чувствует, как волна гнева захлестывает ее с головой. Это омерзительно! Так не должно быть! Ее кулаки сжимаются сами собой, но никто, кроме нее, не бросается на помощь. Тогда Эмма смотрит на Регину.

Лицо у Регины абсолютно спокойное; она стоит и просто смотрит в сторону. Ее будто бы не волнует то, что с ней творят. Эмма тяжело дышит за нее. На севере женщины не позволяют творить с собой такое. Только мужу дозволено касаться их там. Остальных непременно накажут.

Лупа облизывает губы и за подол туники подтягивает Регину ближе к себе. Говорит ей что-то или приказывает, Эмма не слышит. Ласерта подается вперед, словно готовясь к представлению: на лице ее написано оживление. Регина кивает, отставляет чашу и берется за рукава туники, спуская их с плеч. В тот же момент Сулла будто просыпается и бросает что-то резкое. Эмма слышит тон слов, но не понимает значения, однако его прекрасно понимает Лупа и с гримасой недовольного послушания убирает руку. Сулла машет Регине, веля ей убираться, и поднимается со своего ложа. Аурус вскакивает следом. Кажется, вечер подходит к концу.

Эмма не может не смотреть на Регину. Та все еще совершенно спокойна, будто и не ее только что на виду у всех опозорила другая женщина. В голове у Эммы не укладывается подобное. Она вспоминает, как вчера Регина хотела помыть ее – полностью – и гадает, неужели это действительно норма. К такому можно привыкнуть?

Аурус провожает гостей, каждому вручая подарок. С Суллой он прощается дольше остальных, и во время беседы оба то и дело посматривают на Эмму: она чувствует на себе их взгляды. Лупа быстро проходит мимо, на ее лице все еще написано раздражение. Следом чуть ли не бежит Ласерта. За величавой Корой неотступно следует выбранный ею гладиатор.

Дым от курилен потихоньку развеивается, дышать становится легче. Эмма расправляет плечи. Атриум почти пуст, остались лишь рабы, начавшие убираться, и гладиаторы, которых никто не отпускал. Эмма скользит взглядом по оставшимся кушаньям и думает, кому все это достанется. Неужели выбросят?

Возвращается Аурус. Останавливается перед Эммой и сильно хлопает ее по плечу.

– Ты молодец, девочка! – восклицает он довольно, его худое, чуть асимметричное лицо излучает радость. – Сулле ты понравилась. Он будет ставить на тебя в твоем первом бою. Если ты покажешь себя с лучшей стороны, то я обогащусь. А богатый я – хорошо живется тебе. Старайся, Эмма, дочь Свана.

Он снова хлопает Эмму по плечу, кивает Робину и стремительно уходит, почти не хромая. Робин отмирает и делает знак гладиаторам. Те по одному покидают атриум. Отвлекшая Эмма ищет взглядом Регину и не находит. Тогда она разворачивается к Робину.

– Что это было? – ее голос почему-то дрожит. Не иначе – от возмущения.

Робин косится на нее.

– О чем ты? Все прошло хорошо.

– Хорошо? – Эмма нервно смеется. – Регина! То, что делали с ней на виду у всех…

Она давится слюной, понимая, что полученная ею пощечина – совершенно не унижение по сравнению с другим.

Робин смотрит на нее как-то странно.

– Эмма, она рабыня, – напоминает он, будто такое возможно забыть.

– Значит, они могут сделать с ней всё, что пожелают? – задыхаясь от невнятных ощущений, спрашивает Эмма. Сердце никак не может смириться с тем, что один человек может вот так бесстыдно, безнаказанно вести себя с другим человеком.

– Не всё, – отвечает Робин. – Она принадлежит Аурусу. И только он решает, как с ней поступать. Гостям дозволено многое, но не всё.

Эмма понимает слова, но не может принять их. Не может поверить им. Ей отчего-то обидно за Регину, за ее старания быть выше всего этого, которые играют роль лишь среди таких, как она сама.

– Зачем та женщина трогала ее? Что хотела этим показать? Свою власть? Но ведь и так всем ясно, кто господин, а кто раб, – недоумевает Эмма и видит, как щеки Робина вдруг заливает краснота.

– Эмма… – он кашляет и явно смущается. – Ты…

Он отводит взгляд и переступает с ноги на ногу. Атриум быстро остывает, рабы длинными палками открывают окна, и прохладный ночной ветер выдувает остатки дурманного дыма.

Эмма приподнимает брови.

– Что – я?

Ей непонятно, что такого она спросила.

– Она трогала ее, чтобы возбудиться, – бормочет Робин.

Эмма не понимает. Возбудиться?

– Но Регина не мужчина!

Она понимает, что возбудило Кору в том молодом гладиаторе. Но Лупа…

Робин тяжело вздыхает. Видно, что этот разговор угнетает его. Однако Эмма намерена разобраться во всем.

– В Риме женщина может возбудиться от женщины? – уточняет она услышанное, и собственный вывод кажется ей диким и странным. Она никогда не слышала о таком. Разве это возможно?

Робин облегченно кивает.

– И мужчина – от мужчины, – добавляет он.

Эмма потрясенно молчит. Она пытаеться представить, что может быть возбуждающего в подобном, и не находит ответа. Женщина создана для мужчины, а мужчина – для женщины. Боги придумали так неспроста. Хоть Эмма и незамужем, но она прекрасно знает, что у мужчин и женщин существуют органы, подходящие друг другу, позволяющие им создавать потомство и получать удовольствие от взаимных ласк. А то, что говорит Робин… Это странно.

– Я не понимаю, – признается она. Ей становится немного стыдно. Но разве это ей надо стыдиться? Она не трогает других людей за срамные части тела прямо на виду у всех.

– Потом, – обещает Робин и подталкивает Эмму к выходу. – Нам пора. Ужин ждет.

Эмма покорно следует за ним и на кухне не менее покорно съедает то, что Аурус, расщедрившись, отдал гладиаторам и рабам после окончания пиршества. Эмма впервые пробует маслины, находит их не слишком вкусными, а вот морские гады в ракушках, пусть и совершенно остывшие, ей нравятся. Ей достается только две ракушки, и она весьма сожалеет об этом. С собой еду брать не разрешается, и Эмма понимает, что утром снова будет есть хлеб и сыр. Что ж, если Аурус расщедрился один раз, может быть, расщедрится и второй. Пока что он показывает себя неплохим человеком. За исключением, конечно, работорговли.

На протяжении ужина Эмма не раз пытается заговорить с Робином, но тот делает вид, что слишком занят. Может быть, так оно и есть: он решает какие-то вопросы с остальными гладиаторами, легко переходит с языка на язык и смеется. А в голове у Эммы сидит та отвратительная сцена, и Эмма никак не может понять, почему же вызывает ее к жизни раз за разом. В какой-то момент она приходит к выводу, что и с ней однажды может случиться то же самое, и это пугает и заставляет холодеть. Что она может сделать, чтобы избежать подобного?

Уже в галерее, идя к себе и гадая, почему же никто не сопровождает ее, чтобы закрыть решетку на засов, Эмма отчего-то спускается по лестнице не к себе, а еще на один этаж ниже. Там совсем сыро, и коридор, уходящий вглубь, темен и тесен. Остро пахнет горящими травами. Приглядываясь, Эмма замечает сбоку небольшую нишу, куда немедленно заглядывает. И почему-то то, что там Регина, не сильно удивляет.

– Что это? – спрашивает Эмма, обводя удивленным взглядом небольшое, слабо освещенное помещение без окон, что понятно, ведь оно находится под землей. Несколько тонких колонн подпирают потолок, разукрашенный синими узорами, как и стены. В центре находится маленькая площадка, на которую можно подняться по трем ступенькам. На той площадке на коленях сидит Регина, и перед ней стоит чаша, заполненная чем-то, что продолжает дымиться. Сбоку виднеются две плошки поменьше, и в них тоже что-то горит. Но куда уходит дым? Приглядываясь, Эмма замечает небольшие отверстия под самым потолком. Туда?

– Я молюсь богам, – холодно отзывается Регина, не оборачиваясь.

– Я могу помолиться с тобой? – робко спрашивает Эмма, останавливаясь на пороге. Она чует крепкий запах благовоний, и тот в который раз сбивает с толку: на севере люди не воскуряют фимиамы. Жертвы, которые приносятся там, добываются на поле брани, и только колдуны да ведьмы задабривают богов тем, что попадется под руку.

Пахнет терпко и кисловато, от запаха сводит рот, тот невольно наполняется слюной.

Регина не шевелится, будто не слышит. Эмма терпеливо ждет какое-то время, потом повторяет:

– Можно мне помолиться вместе с тобой?

О чем молится Регина? Просит богов наслать на нее беспамятство, чтобы забыть чужие руки между ног? Хочет, чтобы на ее врагов наслали мор и смерть? Или просто отдыхает, потому что никто не побеспокоит ее за молитвой?

Эмма хочет спросить ее о том, что случилось на пиру. Хочет узнать, можно ли чем-то помочь и каково это – не быть в состоянии отвергнуть чужие притязания, потому что ей наверняка придется скоро пройти через что-то подобное, и нужно быть готовой. Но язык не поворачивается, он отяжелел и едва ворочается в клетке из зубов. Запах горящей травы и масел окончательно забивает нос, голова принимается кружиться. Эмма невольно хватается за стену, боясь упасть, и тогда Регина чуть поворачивается.

– Каким богам ты молилась на своем севере, Эмма? – в ее голове звучит едва уловимая насмешка, но сейчас Эмме нет до нее дела: она просто хочет остаться в сознании. Воздух вокруг мутнеет, тяжелеет, становится осязаемым и тугим. Эмма задерживает дыхание и отступает назад, в пустоту и черноту тесного коридора, едва разбавляемые чадящими светильниками. Там запахи становятся слабее, в голове понемногу проясняется. Регина тем временем неспешно поднимается с колен, заливает водой из кувшина сначала плошки с

тлеющими травами, потом основную чашу и подходит к Эмме, придерживая край ярко-синей туники. Эмма силится вспомнить, значат ли здесь что-нибудь цвета одежды, но не получается. Тогда она бросает эту затею и смотрит Регине прямо в глаза, будто надеется отыскать там что-то. Но глаза темны, как вековечная ночь над Иггдрасилем, и виной тому отчасти недостаток света в помещении.

– Так что же? – говорит Регина вновь, и взгляд ее исполнен искреннего любопытства, к которому Эмма невольно тянется, хоть и не должна этого делать. – Как звали твоих богов?

Масляный светильник на стене моргает, готовясь погаснуть.

Эмма не может понять своих чувств по отношению к этой женщине. Она жалеет ее? Она злится на нее? Она хочет стать ей другом? Что? Почему этот странный эпизод на пиршестве пробудил какое-то неведомое желание защитить человека, который сам не просит о помощи?

– Один, – отвечает она, силясь заглянуть в самую глубь темных глаз надменной рабыни. – Тор.

Им она возносила мольбы чаще других.

Регина снисходительно улыбается, ее лицо выглядит расслабленным. Может быть, это все действие трав? Или она получила ответ на свои молитвы?

– Имена моих богов звучат иначе, Эмма. Они тебя не услышат.

Она обходит ничего не понимающую Эмму стороной и удаляется.

– И каково имя твоего сегодняшнего бога? – торопливо кидает Эмма ей в спину, не надеясь на ответ.

– Веста, – слышится издалека.

Светильник моргает снова и гаснет окончательно.

Следующим утром Эмма выясняет, что Регина солгала. В молельной комнате, где все еще пахнет крепкими травами и сладковатыми маслами, лежит возле одной из плошек обугленное бычье копыто.

Веста не принимает жертв животными. Бык – для Марса.

Теперь Эмма это знает.

Примечания:

Юноша на пиру играет на кифаре. Римляне заимствовали музыкальные инструменты с захваченных территорий.

Атриум – первоначально центральная часть древнеримского и древнеиталийского жилища, представлявшая собой внутренний световой двор, откуда имелись выходы во все остальные помещения. В общем-то, принято называть пиршественные залы триклиниями, но мне больше нравится атриум. Так что допустим эту вольность.

В Риме действительно существовали законы, запрещавшие женщинам пить вино. Чтобы доказать соблюдение этих законов, римлянки целовали родственников, убеждая их тем самым, что от них не пахнет вином. Единственное, что им позволялось — это слабое вино из виноградных выжимок или изюма.

Лупа (лат. lupa) - волчица

http://tl.rulate.ru/book/1136/29497